

"Дубровский" Кима Брейтбурга предлагает неожиданный взгляд на хрестоматийную повесть Александра Пушкина.

Музыкл "Голубая камей" много лет с успехом шел на сцене Музыкального театра.

КАКИХ МЮЗИКЛОВ НАМ НЕ ХВАТАЕТ?

— Ким Александрович, сколько ваших спектаклей идет в Минске?

— Сейчас — три. С "Голубой камеей" произошла отдельная история, не хочу сейчас в нее вдаваться. До последнего дня эта постановка оставалась хитом, шла с неизменными аншлагами. Была возможность, чтобы спектакль и дальше оставался в репертуаре, но руководство театра на это не пошло.

— Вы сегодня полностью переключились на мюзиклы? Песни не пишете?

— Я думаю, наше поколение постепенно уходит из области создания песен. Потому что песни — это все-таки удел молодых авторов. Все радиостанции, ориентированные на премьерную музыку, сегодня рассчитаны на молодую аудиторию, по крайней мере, на слушателей до сорока лет. Песни должны выражать время, мировоззрение авторов. Если иметь в виду не совсем уж бессмысленную танцевальную поп-музыку, которая была всегда, а более осмысленные формы. Я никоим образом не хочу учиться. Но считаю, что свой творческий вектор нужно менять вовремя и переходить к тем формам эстрадного искусства, которые наиболее органичны для твоего возрастного этапа.

— Вернемся к театру. Какой из ваших мюзиклов оказался наиболее трудоемким, о котором вы могли бы сказать, что это был материал "на сопротивление"?

— Я думаю, что немного слухавлю, если скажу, что во время работы над мюзиклом "Леонардо" очень сильно погружался в эпоху Леонардо да Винчи. Все-таки в моих работах очень силен элемент стилизации, игры... Какие-то итальянские мотивы той эпохи там, безусловно, есть. Так же как и в "Голубой камее" есть русские мотивы, интонационный русский строй, романсовое начало. Определенный стилистический посыл есть и в "Джейн Эйр": кельтские, английские мотивы, вольнка, наличие неких тембровых особенностей. И не только тембровых. Мне интересно писать разную музыку.

Мюзикл — очень демократичный жанр, рассчитанный на восприятие представителями разных социальных групп. Он адресован прежде всего эмоциональной сфере жизни человека. В свое время мы вместе с моей женой Валерией перелопатили много литературы, просили что-то переводить нам. Изучали природу этого жанра очень серьезно. Мы и сейчас продолжаем активно интересоваться принципами постановки и историей мюзикла. Его родоначальники, конечно, американцы.

— Говорят, в России мюзикл не приживается...

— Надо четко понимать, про какой мюзикл идет речь. Какой мюзикл

КИМ БРЕЙТБУРГ СЧИТАЕТ, ЧТО ПЕСНИ — УДЕЛ МОЛОДЫХ АВТОРОВ И КОМПОЗИТОРУ НУЖНО ВОВРЕМЯ ПЕРЕКЛЮЧАТЬСЯ НА ДРУГИЕ ЖАНРЫ

Популярного российского композитора Кима Брейтбурга с нашей страной связывают крепкие творческие нити. Да что там нити — канаты! Мазстро — частый гость "Славянского базара в Витебске", то и дело организует в Беларуси концерты. Он стал своего рода музыкальным символом Союзного государства. Много лет в Белорусском государственном академическом музыкальном театре с успехом шел его спектакль "Голубая камей", затем в репертуаре появилась постановка "Джейн Эйр". Зрителю полюбили совместные проекты Брейтбурга и Белорусского государственного университета культуры и искусств "Казанова" и "Дубровский"

не приживается в России? Не приживается как раз американский, его переносят и лицензионные аналоги. "Чикаго", например. Нам не близки сюжеты, мелодический язык. Американская музыка построена на других канонах, она уходит корнями в американский джаз, в афроамериканскую музыкальную культуру. "Кабаре" или "Чикаго" композитора Джона Кандера не всегда резонируют с широкой аудиторией в наших странах. Да и в США многие мюзиклы американских авторов стали популярны не сразу, а после определенного времени. У нас большей популярностью пользуются французские произведения, потому что их мелодический язык схож с нашим. К примеру, мюзикл "Красавица и чудовище" пользовался большой популярностью. А еще это сказка, и музыка в ней мелодичная и довольно простая. А вот американская "Золушка" композитора Ричарда Роджерса в Москве, можно сказать, провалилась.

— В Москве ведь работает и целый театр мюзикла под руководством Михаила Швыдкого. Он идет каким-то своим путем?

— Да, они по-видимому ищут свой путь, и я пока не совсем понимаю концепцию этого театра. "Преступление и наказание" Эдуарда Артемьева — очень сложная музыка. В то же время там в репертуаре есть спек-

такль "Жизнь прекрасна!" и оперетта Имре Кальмана "Принцесса цирка". По-моему, этот театр еще находится в поиске. Я как продюсер действовал бы в целом более осторожно: шел от простых форм к сложным, эволюционным путем. Но в России все так делается — жестким революционным путем: жанр еще как следует не привился, а тут сразу такие сложные произведения, как "Преступление и наказание". Мы забываем, что и в Англии, и в США это был очень медленный процесс — история мюзикла там насчитывает более ста лет. Первые примитивные мюзиклы появились у них во второй половине XIX века.

Если копнуть еще глубже, нельзя не сказать и о разнице театральных школ, традиций. У нас в основе — театр переживания, на Западе, в частности на Бродвее, — театр представления. Потому что они играют каждый день, это настоящий конвейер, и если артист каждый день будет свою роль по-настоящему проживать, реально будоражить свою эмоциональную память и применять принцип «я в предлагаемых обстоятельствах», то, по-моему, все это закончится психушкой. Выкладывать так каждый день невозможно. Но когда смотришь на работу бродвейских актеров, возникает ощущение полной творческой самоотда-

чи, как будто они работают в первый и последний раз. Очень выразительная актерская игра и энергетика.

По-настоящему прибыльными на Бродвее становятся 5% всех театральных проектов. Многие шоу просто становятся более-менее рентабельными и выходят, что называется, "в ноль". Сейчас я читаю только что вышедшую в свет на русском языке книгу известного композитора Эндрю Ллойда Уэббера "Снимая маску", очень много полезных вещей почерпнул для себя.

— Вот кто для вас, оказывается, эталон.

— Я не сказал бы, что эталон. Но человек он, безусловно, интересный. Ему всю жизнь сопутствовали как грандиозные успехи, так и грандиозные провалы.

— О провалах мы, наверное, знаем меньше...

— А их у него тоже было достаточно. Но Уэббер сумел из всей своей деятельности сделать большой бизнес. Эндрю Ллойд Уэббер не только талантливый композитор, но и талантливый бизнесмен. "Призрак оперы" останется, на мой взгляд, в истории музыки навсегда. Он идет на Бродвее уже тридцать лет, состоялось более 12 тысяч представлений! Не знаю, будет ли в будущем в такой же степени востребована его знаменитая рок-опера "Иисус Христос — суперзвезда"...

Уэббера много ругали за клише, за поп-мелодии, иногда — за форму. К нему было много претензий, и в какой-то момент он занервничал. Его отец тоже писал музыку и, говорят, даже ревновал сына к успеху. История музыки знает такие случаи... Вот "Женщина в белом" у него получилась не очень удачной. Спектакль не стал популярным у публики, не был воспринят музыкальной критикой. Я думаю, Уэббер всегда хотел оценки своего творчества как большого композитора — как Прокофьева или Шостаковича, которых он, кстати, очень любил. Уэббер упоминает в своей книге Прокофьева, а Шостакович, когда Уэббер был еще молодым парнем, приходил на показ "Иисуса Христа..." в Лондоне. И тут версии в разных источниках расходятся. По нашим источникам, Дмитрий Дмитриевич сказал приблизительно следующее: "Наверное, в музыке можно двигаться и таким путем". А сам Уэббер утверждает, что Шостакович сказал что-то вроде: "Я бы хотел быть автором этого произведения". Чувствуете разницу?